

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая	7
Глава вторая	15
Глава третья	40
Глава четвертая	70
Глава пятая	103
Глава шестая	125
Глава седьмая	158
Глава восьмая	200
Глава девятая	225
Глава десятая	248
Глава одиннадцатая	274
Глава двенадцатая	290
Глава тринадцатая	313
Глава четырнадцатая	330

Посвящается Оле и Даше Черкуновым

Глава первая

Вениамин Моисеевич Михновский пришел в себя в ведре. Взгляд уперся в оцинкованную стенку, вода была совсем близко от подбородка, вода стекала по лицу, по волосам. Шея и ниже тоже ощущались подмоченными, и отчего-то пришла мысль о том, что еще там у него подмокло. И развивать эту мысль было страшно. Но еще страшнее: кто посадил его в ведро и за что? Лживое и подлое подсознание отреагировало паническими ощущениями, про которые старые романисты написали бы так: «Ужас объял его до глубины души». Или «леденящий холод наполнил все члены». Не менее лживое и подлое сознание тем не менее отразило то, что в ведре он пребывает в основном лицом. Из чего следовало, что все не так страшно, его не посадили в гигантское ведро и не сделали маленьким для ведра обычного. А то, что он стоит на коленях перед ведром и мордой лица в нем — ну, и такое бывает.

Перепил, а потом рвешь, чем еще есть внутри. Да, как на прошедший Первомай, но не хватит ли этого ведра, ибо совсем не рвется?

Вениамин Моисеевич распрямылся и обнаружил, что он у себя в кабинете. Рядом с ним этот обалдуй Мармач и кто-то из милиционеров. Да еще и с ведром, растудыть бы его! И перед ним еще одно ведро, почти полное, но там следов рвоты нет, вода чистая или почти такая.

— Что здесь со мной и с ведрами случилось, бог Авраама, Исаака и Иакова?! — последние слова вовремя спохватившийся Михновский сказал себе в рукав гимнастерки, отчего их никто не разобрал.

— Товарищ оперуполномоченный, к вам зашел товарищ начальник городского отдела, что-то хотел спросить насчет румынского шпиона, но вы воткнулись мордой в столешницу и не отвечали ничего. И даже на стусаны не отзывались, но вроде бы были живы, и на припадок падучей похоже не было. Он нас и покликал, и велел привести до тямы! А лекпома сейчас нет, его в тюрьму вызвали, и он там третий час сидит! Ну вот мы вас над ведром устроили и аккуратно стали водой голову поливать, чтобы вы весь мокрый не были! Ну и добились, что только воротник намок, а вы очунили!

Помощник оперуполномоченного Мармач культурой речи не славился, а когда писал протоколы допроса, то мог так завернуть, что сам черт не разберет, что именно Мармач хо-

тел сказать. Но ошибок в словах почти не допускал. А с запятыми... Не только он их забывал поставить. Но в этом случае он сработал хорошо, и намокло мало, и помогло. Но что это с ним вышло? Неужели, как у дяди Саула — эпилепсия? Ой-вей, не хотелось бы, ведь тогда уволят по болезни или на техработу переведут.

— А что товарищ Боряин сказал насчет меня?

— Только чтобы мы привели в чувство, а боле ничего!

— Ну, тогда ты, Филипп, сходи к начальству и скажи, что все нормально, и вы, товарищ милиционер, идите продолжайте службу, и эти... ведра отнесите, откуда их взяли!

Он с трудом удержался, чтобы не покрыть безвинные ведра матом. Но душа еще от прихождения в себя в оцинкованном гробу не отошла. Да, наверное, так, потому он и испугался того, что в нем очнулся, в гробу то есть. Еле дождался, когда гости выйдут, и оглядел себя поподробнее. На галифе только пара капель на левой ноге, а того, что бывает после припадка — нет.

Достал из ящика стола зеркальце, глянул на себя: волосы немного растрепались, но ничего. Ушибов и ран нет, значит, мордой, то есть лицом, к столу не приложился! Воротник мокрый, есть потек на грудь, но не весь же мокрый! Удостоверение и пропуск при себе, ключи от кабинета тоже, и слава тому

самому, которого учили в детстве славить, а теперь нельзя вслух это делать. «Маузер» в правом кармане галифе — совсем хорошо! Сейф закрыт и ключ в замочной скважине торчит — прэлестно, как говорил тот же дядя Саул! Протокол допроса Чобручу лежит сверху следственного дела, он его собирался подшить туда, когда... ну, что-то случилось. И листочек с планом завтрашнего допроса тоже.

Когда его учили чекистской работе, тогда так дела и оформляли: планируешь допросить и заранее пишешь план, о чем ты подследственного хочешь спросить. Конечно, если в процессе работы мысль придет, что надо еще и про брата тещи, куда именно он делся, сказать, то и спросишь, но если ты запланировал узнать, где служил имярек в Белой армии, а в его ответах про службу ничего нет, то тебя же и спросят: почему это так? Полезная вообще вещь для молодых следователей, но со временем это требовать перестали. Того же Мармача этому не учили. И, кстати, он куда-то делся и не возвращается.

Придется идти самому и получить втык за мокрую одежду на службе. Ладно, первый раз, что ли!

Вениамин Моисеевич спрятал «маузер» в сейф и отправился, яко пророк Даниил ко львам, к начальству. Боряин требовал, чтобы к нему начсостав ходил без оружия. На конвоировавших арестантов милиционеров это

не распространялось. С чем это было связано... Вениамин Моисеевич здесь себе друзей еще не нажил, чтобы с ними доверительно разговаривать о бзиках начальства. Его предупредили, что тут так принято, и все. Вот и думай, то ли Боряин вообразил себя Кировым, то ли раньше у кого-то из оперов или следователей браунинг из кармана вывалился и от удара об пол выстрелил.

Но начальник его не принял. Он заседал там с ребятами из межрайонной группы, пока же сказал, чтобы Михновский пришел завтра с утра, а пока пусть подумает, что можно из Чобручу сделать. Чего там думать — в протоколе явные показания еще на двух грузчиков пристани, тамошнего кладовщика и бухгалтера. Бухгалтер еще и бывший белый офицер. Если прокурор Федоряк не упрется и санкционирует их арест, жариться им как мититей на рашпере. Это тоже выражение дяди Саула, но хоть сегодня оно прояснилось. Оказывается, это румынское блюдо — говяжьи колбаски с чесноком, на решетке зажаренные. Ион Чобручу об этом рассказал. Рекомендовали раньше при допросе, как один из способов его размягчить, когда арестант упирается, раза три спросить про что-то опасное для того, выслушать ответ, что он тут совершенно ни при чем, а потом задать такой вот невинный вопрос. А приготовившийся бороться до последнего арестант может и «поплыть», ибо его настроит

сопротивляться этим сбивается. Вот и мититеи Иона сбили с глухой обороны.

Но, коль начальство приказало, и вот до конца рабочего дня Михновский вертел в руках протокол, пытаясь еще что-нибудь из него извлечь.

Ничего не смог больше и оставил пять сшитых листов в покое, но периодически возвращался мыслями к сегодняшнему эпизоду. Вообще-то, если честно, в этом году у него такое уже было, как только-только переехал в Среднереченск. В выходной день сидел он на открытой веранде Клуба имени Шести и там явно отключился от окружающего. Пришел он туда в одиннадцать, а вернулся в мир около пяти пополудни. Буфетчик сказал, что он в буфете заказал бутылку «Бархатного», выпил со стакан, а потом сидел неподвижно и безучастно ко всему все последующее время. Другие посетители его о чем-то спросили — он не отреагировал, сам буфетчик подходил и состоянием интересовался, а он не реагировал! Как будто глубоко ушел в думы и никак не вернется. Тело теплое, жилка на шее бьется, глаза открыты, но сидит, как статуя. Если бы он со стула упал или лицом в стол себя уронил, то вызвали бы карету и отвезли в Первую Советскую больницу, а так ну кто его знает, что с ним? Может, и ничего, просто устал, а может, и не устал. Поскольку был он в форме, то за столик никто не присел, и все прошло тихо.

То, что планировавшееся свидание с Эсфирью сорвалось, как и развитие романа дальше, уже не так нервировало, как факт внезапного выключения из мира. А знакомого медика тут не было, чтобы рассказать, что с ним происходит. Собственно, и в Кирово тоже не было, и в Камышнянском районе.

Но из Кирово можно было поехать в Одессу, вдруг там у матери или ее сожителя есть знакомый медик, может даже и профессор в университете. Вот он мог бы и помочь. Да, когда он в прошлом году гостил у нее, мама намекала, что несмотря на запрет аборт, кое-кто из докторов их делает. Мама к ним относилась двояко, сама для себя отвергала, а другие — как хотят. Потому что-то сделала, чтобы помочь паре дальних родственниц. Более подробно в эту историю Вениамин не влезал, ибо тоже должен был стоять на страже законности, но делал вид, что незаконные аборты — это не по линии ГУГБ и оттого его не касаются. Возможно, у тети Хаи или сестер Бромверта (это был сожитель матери) есть тоже знакомые и родные в клиниках Одессы. И, коль такое множится, надо бы все-таки кому-то себя показать. Придет домой и письмо напишет, только надо продумать формулировку, чтобы и она не пугалась, и правильно искала специалиста. Или сходить к милиционерам, узнать, на кого из местных докторов есть материал по левым аборт, и прижать его. Взамен же доброго

отношения к их фокусам потребовать сведений, кого абортмакер знает из специалистов по человеческой голове, пусть даже не здесь, а в области или Харькове, к примеру. А если можно, то и протекцию составить. Пожалуй, оба пути надо проходить одновременно. В медицине, насколько он понимал, все сильно зависело от того, что думает это светило, а другое светило этого небосклона может думать совсем про иное и быть более точным, чем первое.

Но если бы он знал, что явилось причиной этих двух случаев...

Как сказал Олег Чухонцев: «Узнаешь — содрогнешься».

Спал Вениамин плохо и снился ему странный сон. Впрочем, это даже сном назвать нельзя, потому что во сне ты что-то видишь. Звуки тоже есть, но они как масло на бутерброде, могут быть, а могут не быть. Потому про сон говорят «видел сон», «видел в нем что-то и кого-то», а не «слышал сон». Михновский же слышал: «Жандеверт», «жандеверт», снова «жандеверт»*. Все это перемежалось вообще нечленораздельными воплями, скрежетом стали по стали и непонятными разговорами. Языка этого Михновский не знал, хотя на не-

* *Иоганн де Верт* (по-французски Жан де Верт) — немецкий кавалерийский начальник семнадцатого века.